

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства» издается с 2014 года*

Оформление — Андрей Ферез

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством
Shutterstock и свободными источниками

Валишевский, Казимир

В15 Павел I / Казимир Валишевский. — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
512 с. : ил. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского госу-
дарства»).

ISBN 978-5-17-115211-6

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Бори-
сом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биогра-
фия нашей страны от самых ее истоков.

Павел I, самый неоднозначный российский самодержец, фигура оклеветанная и траги-
ческая, взшел на трон только в 42 года и царствовал всего пять лет. Его правление, бурное
и яркое, стало важной вехой истории России. Магистр Мальтийского ордена, поклонник
прусского императора Фридриха, он трагически погиб в результате заговора, в котором был
замешан его сын. Одни называли Павла I тираном, самодуром и «увенчанным злодеем»,
другие же отмечали его обостренное чувство справедливости и величали «единственным
романтиком на троне» и «русским Гамлетом». Каким же на самом деле был самый непред-
сказуемый российский император?

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Akunin, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая
ОЗНАЧЕНИЕ

Глава 1

Претендент на престол

I

Павел родился 20 сентября 1754 года, и ему было восемь лет, когда умер его отец. Но верховную власть захватила его мать, и ему пришлось ждать до 1796 года, пока власть перешла к нему. Он находил, что Екатерина завладела престолом в ущерб его праву, и это и послужило основанием той драмы, которая в течение столь долгих лет делала сына более или менее открытым противником матери.

Я уже писал об этой стороне их отношений, и с тех пор этот вопрос стал, даже во Франции, предметом очень подробных исследований. Я должен, однако, вкратце к нему вернуться. Чтоб понять императора Павла в 1796–1801 годах, надо знать великого князя Павла Петровича за период 1762–1796 годов, когда он был наследником престола, но был также и претендентом на престол, а следовательно, бунтовщиком. Это основная черта биографии несчастного государя. Она была преобладающей в течение первой половины его жизни, но и во второй ее половине послужила отчасти причиной ее кратких, но драматических событий. Тем не менее она до сих пор недостаточно принималась в соображение.

Были ли основательны притязания цесаревича? Вопрос этот считается спорным. Однако он чрезвычайно прост, и его запутали только тем, что ввели в него нектати, как это делал и сам Павел, принцип законности, которому в нем нет места.

Закон о престолонаследии? Но такого закона не существовало тогда в России. Ни в каком роде и ни в каком смысле. Престол, которого требовал себе сын Екатерины по праву наследования, не был наследственным в его время. Он переходил «по избирательному или по захватному праву», согласно знаменитой формуле Караччиоло, или, проще, по русской поговорке: «кто раньше встал да палку взял, тот и капрал».

Из хаотической путаницы противоречивых взглядов на преемство верховной власти в России, сменявшихся один за другим после того, как в конце шестнадцатого века угасла династия Рюрика, Петр Великий извлек один решающий принцип: «правду воли монаршей», то есть произвольную власть государя выбирать себе наследника. Но сам Петр не пожелал воспользовать-

ся этим правом, после него и пошел ряд императоров и императриц, захватывавших российский престол при помощи государственных переворотов.

Сама достигнув престола этим путем, Елизавета, правда, вспомнила о принципе, установленном ее великим отцом, и избрала себе преемником племянника — отца Павла; но Петр III не подумал, в свою очередь, воспользоваться тем же правом в интересах своего сына. Таким образом после его смерти Павел был с точки зрения закона — ничто, и между ним и Екатериной была возможна борьба не прав, а честолюбий. И действительно, борьба эта и началась между ними именно в этом смысле до восшествия на престол молодой подруги Орловых и до трагической кончины ее мужа.

В.Л. Боровиковский. Портрет императора Павла I. 1796 г.

ПАВЕЛ I. СЫН ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Еще в 1760 году, назначенный Елизаветой воспитателем Павла, Никита Иванович Панин замыслил то, что Екатерина осуществила впоследствии, — с той разницей, что, устранив Петра, он хотел заменить его сыном, а не супругой свергнутого императора. При царившем в то время произволе он мог бы привести свой план в исполнение. А план его заключался в том, чтобы при помощи своего ученика осуществить в России идеал конституционной монархии на шведский образец, то есть верховной власти, находящейся в действительности в руках министров неуправляющего монарха. Но это ему не удалось, и Екатерина, сумевшая лучше воспользоваться услугами гвардии и собственной смелостью и счастьем, одержала над ним победу, совершив государственный переворот в свою пользу. Павел узнал со временем об этом бывшем проекте возвести его на престол, и это еще более усилило в нем раздражение против Екатерины, а также против тех, кто помог ей надеть царский венец.

Однако, даже помимо сыновней любви, которая не должна была бы допускать в нем этого злого чувства по отношению к матери, оно было тем менее справедливо, что с воцарением Екатерины он выигрывал гораздо больше, чем терял.

Он терял крайне непрочные шансы на престол. Было весьма невероятно, чтобы отец избрал его своим наследником. Разве Петр III не заводил речи о том, чтобы прогнать Екатерину и жениться на Воронцовой? От этой жены он мог иметь других детей, и она могла бы убедить его отдать ее ребенку предпочтение пред Павлом. Петра считали, впрочем, способным предпочесть Павлу даже жертву предшествовавшего государственного переворота, сверженного Елизаветой императора Иоанна Антоновича! Екатерина же, едва вступив на престол и провозгласив себя самодержицей Всероссийской, первым делом назначила сына своим наследником. Только ей он был обязан своим правом на престол, и таким образом являлся вдвойне ее созданием.

Но честолюбцы не рассуждают.

Между матерью и сыном стояла, кроме того, окровавленная тень убитого в Ропше. Если бы Петр III остался жив, Павел, по всей вероятности, не царствовал бы после него. И можно поставить ему только в похвалу то, что это соображение не оказывало на него влияния. Но он был неправ, смешивая вполне законное чувство горечи по поводу смерти отца с личными притязаниями, которые ни в каком смысле не были законными, и, став по отношению к матери, давшей ему и жизнь, и право на царствование, не только в положение судьи, но и соперника. А между тем эта двойная роль, которой он держался тридцать четыре года по отношению к Екатерине, и определила в большой мере всю его судьбу.

Как бы Екатерина ни поступила после кончины Петра III, она вряд ли сумела бы уничтожить роковые последствия событий, возведших ее на пре-

стол. Да и что она могла сделать? Наказать убийц? Но она была им обязана властью и возможностью сохранить эту власть в своих руках. Смягчить сына своей любовью? Но он был оторван от нее на следующий же день после того, как она его родила; он был ей почти чужой, и ничто в этом ребенке не привлекало ее сердца и не радовало ее ума. К тому же он был ее соперником, и она должна была считаться с мнительностью и опасениями тех, кто поддерживал ее против него.

Ее сторонники не могли, правда, мешать ей исполнять материнский долг по отношению к сыну. Однако уклонилась ли Екатерина от обязанностей матери по собственному почину? Ее обвиняли в этом. Но это вопрос, который следует рассмотреть отдельно.

II

Воспитание Павла вызывает во многих резкое осуждение. Оно не было, разумеется, образцовым. Однако трудно указать на пример образцового воспитания в ту же эпоху и при аналогичных условиях. Наследник Людовика XV и наследник великого Фридриха были воспитаны не лучше ученика Панина. И, с другой стороны, Екатерина не могла вполне свободно руководить физическим и нравственным развитием своего сына даже после того, как верховная власть перешла в ее руки.

Предшественник Панина, Федор Дмитриевич Бехтеев, был выбран совершенно помимо ее воли. Это был посредственный дипломат, но вполне порядочный человек, — его пребывание в Париже не принесло ему славы. Он развил прирожденную страсть Павла к военным учениям, выдумав для него азбуку, где буквы изображались солдатиками. И развил также гордость Павла, издавая и печатая газету, в которой сообщалось о малейших поступках и событиях жизни молодого великого князя. Екатерина не имела в то время никакого голоса в деле воспитания сына. А как только получила возможность заняться им, она была готова привлечь все лучшие умственные силы Европы для образования сына. Но, прочитав манифест, где смерть Петра III приписывалась геморроидальному припадку, д'Аламбер отказался от сделанного ему предложения, сказав, что он подвержен той же болезни. Его примеру последовали Дидро, Мармонтель и даже Сорен. Тогда в помощь Панину, которого тоже выбрала не она и которого не могла устранить, не раздражая поддерживающую его сильную партию, Екатерина должна была удовольствоваться менее знаменитыми педагогами.

Но и сам Панин не заслуживает того пренебрежения и строгого осуждения, с каким к нему относится большинство биографов Павла. Они слыш-

ПАВЕЛ I. СЫН ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

ком доверяют свидетельству одного из его сотрудников, Порошина, доброго, но недалекого человека и притом еще соперника в любви: Панин и Порошин ухаживали за одной женщиной, и Порошин совмещал эту страсть с любовью к сплетням. Он был в миниатюре Данжо Людовика XIV, отданного на его попечение.

Панин был бесспорно сибарит, развратник и интриган. «Свободное время, которое ему остается от еды, игры, распутства и сна, он употребляет на то, чтобы ссорить мать с сыном и сына с матерью», — писал про него французский поверенный в делах в Петербурге Дюран в 1774 году. Но не надо забывать духа и нравов той эпохи: автор «Исповеди», написав «Эмилия», считался тогда первым авторитетом именно в деле воспитания. И какова бы ни была исповедь, которую, в свою очередь, пришлось бы делать Панину, он имел за собою достоинства даже как педагог. Это доказывает записка, составленная им в 1760 году: заботы о физическом и нравственном здоровье ребенка; намерение пользоваться даже играми, чтобы направлять Павла к добру; план учения, который познакомил бы его постепенно со всем, что должно интересовать будущего монарха, — ничто здесь не забыто. Сибарит и развратник Панин был в то же время и мыслителем. Он состоял в связи, правда, несколько отдаленной, со всей умственной аристократией того времени. В нем не было ничего общего со Струэнзе, еще меньше с Тюрго; несмотря на полунемецкое, полуфранцузское воспитание, он крепко сросся с родной почвой, с ее традициями, нравами и предрассудками, но присматривался и прислушивался и к тому, что творилось на Западе, после чего он перерабатывал в себе все эти впечатления, в духе своего народа, до их полной неузнаваемости.

Это отдаленное отражение и извращение господствующих в то время идей проявлялось в России особенно сильно и резко, так что было здесь всеобщим явлением. Сам Павел служит тому разительным примером.

Другие учителя молодого великого князя тоже не заслуживают презрения, хотя среди них не было Дидро и д'Аламбера. Француз Николаи, бывший прежде выдающимся профессором Страсбургского университета, его соотечественник Лафермьер, недурной писатель, и русский Плещеев, моряк, вышедший из английской школы и известный географ, — всё это очень почетные имена.

Со своей стороны, Панин, хотя и воспитывался в прибалтийских, германофильских провинциях, но придерживался не только тех симпатий, что были привиты ему там. Он хвалился своим эклектизмом, но не отказывался от своей национальности. Союз с Пруссией был первым членом его политического символа веры, Фридрих II — его пророком и Берлин — Меккой, но Берлин второй половины восемнадцатого века, где французский дух — включая сюда и Вольтера, и оперные куплеты — играл, как известно, очень боль-

шую роль. В составленной им программе учения он отнюдь не отодвигал Россию на задний план; ее языку и ее литературе должно принадлежать, говорил он, первое место, если бы даже не существовало Ломоносова и Сумарокова.

Выполнил ли он эту программу? Это другое дело. Первое издание «Эмиля» вышло в 1752 году, и Панин, конечно, читал эту книгу. Но он не имел возможности уединиться со своим воспитанником в пустыне. Этому мешала жизнь при дворе — и при каком дворе! — с ее пышными празднествами и развлечениями. Итак, о правильности уроков не могло быть и речи. Они давались когда и как придется, между прогулкой, парадным обедом, спектаклем и маскарадом. Павел очень рано стал ходить в театр, что не могло быть для него очень назидательно, так как он видел пьесы вроде «Ревнивого фавна» или «Безумства любви», поучался разбирать достоинства известных балерин и по поводу одной преждевременно увядшей актрисы высказал предположение, что «elle avait dû passer par trop be mains».

То был двор Екатерины, и *Северная Семирамида* была по отношению к сыну настолько гостеприимной хозяйкой, что даже поощряла его преждевременные ухаживания за самыми распущенными из своих фрейлин. В этом она была неправа; но в общем развращающее влияние ее двора мало отразилось на Павле в его детские и юношеские годы. Говорили ли в нем прирожденные вкусы, или инстинктивная реакция против нездоровых для ребенка впечатлений, или, наконец, отвращение всему, что исходило от его матери, но молодой великий князь интересовался гораздо больше теми суровыми уроками, что давали ему его учителя. Когда им случалось говорить в его присутствии двусмысленности, как о том с негодованием свидетельствует честный Порошин, то Павел обыкновенно пропускал услышанное мимо ушей. Но зато он запоминал их панегирики Волынскому, министру-преобразователю императрицы Анны Иоанновны, ставшему жертвой своих благородных стремлений, а также их споры насчет неправоты Карла I по отношению к его подданным. Законоучитель великого князя, архимандрит Платон, бывший впоследствии Московским митрополитом, и один из самых выдающихся епископов русской церкви, имел также на Павла очень сильное влияние, сохранившееся на долгое время.

Это более или менее устанавливало равновесие, но все-таки ребенку приходилось метаться между двух крайних течений, из которых каждое оспаривало его у другого. Главный упрек, который можно сделать воспитателям Павла, это то, что пища, умственная и нравственная, которую они ему предлагали, была для него слишком тяжела и обильна. Он всю свою жизнь увлекался идеями, непосильными для него. Еще ребенком он был полон мыслей, чувств и честолюбивых мечтаний, которых его мозг не мог переработать, так как чувственные способности всегда брали у него верх над всеми другими. На него в детстве смотрели как на взрослого, и, благодаря Поро-

ПАВЕЛ I. СЫН ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

шину, он никогда не забывал, что по своему рождению и призванию он человек единственный в своем роде — будущий царь! Десятилетним мальчиком он уже высказывал обо всем свое решительное мнение, принимал тон азиатского деспота, не задумываясь раздавал направо и налево похвалы, порицания, презрение, — в особенности последнее. Он усвоил себе роль сурового цензора по отношению к правительству своей страны, раздражался от нетерпения, что не имел власти его изменить, и засыпал над своей ученической тетрадью со словами: «я царствую!»

И, грезя наяву, он уже распределял должности, жаловал чины, командовал армиями, давал сражения. Смешивая идеи двух противоположных направлений, имевших на него влияние, он то мечтал о самодержавной власти — и действительно, она вскружила ему голову, как только он ее достиг, — то увлекался мальтийским романом, с которым и связал впоследствии судьбы своей родины. Он или обращался со своими камергерами как с рабами, или наряжал их в рыцарей крестовых походов, закованных в латы, и устраивал с ними турниры.

Среда, в которой жил Павел, осложняла все эти странные контрасты еще большими противоречиями. Через конституционалиста Панина и масона Плещеева с его мистицизмом, наконец через саму Екатерину, усердно читавшую Монтескье и Беккариа, все либеральные идеи, гуманитарные взгляды и преобразовательные утопии века изливались украдкой на пробуждающийся ум молодого великого князя. Они открыли перед Павлом новый путь. Этот путь пленил его, и он устремился на него со свойственным ему пылом. Но бунтующий претендент и будущий самодержец не мог придать новой мечте, открывшейся его воображению, форму независимую от его собственной двойственной роли. Производить реформы? Да, конечно, после Струэнзе, Тюрго, Иосифа II и многих других он тоже будет преобразовывать свое государство! Но как? Он слепо — более слепо, чем революционеры, которые на другом конце Европы тоже стремились к завоеванию власти, — приписывал этой вождельной и ожидаемой с таким нетерпением власти почти безграничное могущество. Он считал ее волшебным жезлом, который ему достаточно будет взять в руки, чтобы переделать до самого основания весь мир или по крайней мере ту страну, где он будет царствовать.

Екатерина, составив план воспитания Павла по собственной мерке, упустила из виду личность воспитанника. Кроме того, ей пришлось столкнуться с различными влияниями: наследственности, приближенных всей окружающей среды, контролировать которые она не могла. В качестве последователя Руссо Панин доходил до того, что чуть ли не запрещал своему ученику военные упражнения или, во всяком случае, отодвигал их на задний план. Со своей стороны и императрица, сперва под влиянием Орловых и затем Потемкина, старалась освободить свою армию от традиций прусско-

го милитаризма, успевшего уже наложить на ее сына свой отпечаток. Но среди приближенных великого князя нашлись подражатели Бехтеева, и Павел поддался внушениям младшего брата своего воспитателя, Петра Ивановича Панина, влюбленного в милитаризм, и мечтавшего подчинить ему весь гражданский строй государства. Павел будет царем, властелином, перед которым все трепещет и который все может: Порошин, ничего не понимавший в философии, непрестанно напоминал об этом ребенку. Павел каждый день слышал, как этот Порошин и другие восхваляли в Петре Великом гениального солдата, моряка и ваятеля, вылепившего свой народ на свой образец, словно кусок мягкого воска; или как они превозносили гений Фридриха, великого капрала, сумевшего выдрессировать свой народ, точно полк солдат, или сурового героического Мильтиада, без которого Греция погибла бы при Марафоне, несмотря на всех своих философов. Быть сразу Фридрихом, Петром Великим и Мильтиадом и этим затмить Екатерину — стало заветным желанием Павла. Но при этом он не хотел отрекаться от философии, надеясь, что ее идеи вдохновят его для возрождения его страны, и не отказывался также от самодержавной власти, необходимой, как он думал, для того, чтобы совершить это великое дело.

Все эти влияния и идеи, столь несоразмерные с природными дарованиями Павла, — впрочем, с ними вряд ли кто-либо сумел бы справиться, — составили несчастье его жизни и всех его близких. Павел был от природы и остался навсегда одним из тех фантазеров без всякого творческого дара, у которых воображение, по определению специалистов, играет ту же роль в области умственной жизни, какую воля играет в движении. Недостаток воли был в течение всей жизни Павла его слабой стороной; зато непомерная работа фантазии, вызывавшая в нем лишь «смешение, путаницу и искажение предметов», согласно известной научной формуле, отразилась на всей его деятельности. Правда, что трагические события его детства и пережитые им в раннем возрасте приступы страха и безудержного гнева тоже наложили на него неизгладимый отпечаток.

Павел был по природе добрый, веселый, резвый ребенок, полный великодушных порывов, с открытым сердцем и душой. Но он стал жертвой слишком часто пугавших его призраков. В нем ожил его отец; он рано узнал, как этот отец умер, и образы, связанные с этой кончиной, — столь же ужасной, какой была впоследствии и его смерть, — вызвали в нем преждевременное беспокойство, подозрительность и сознание своего униженного и зависимого положения.

К этим тревожным мыслям присоединялись еще и другие, стоявшие в полном противоречии с первыми и, в сущности, возмутительные по той оскорбительной форме, какую Павел им придавал. Постоянно вспоминая о Петре III, он не менее часто выражал свои сомнения относительно того, что

ПАВЕЛ I. СЫН ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

он его сын. Поведение Екатерины, конечно, допускало сомнения на этот счет; но разве мало матерей находятся в таком же положении — в особенности в восемнадцатом веке это было повседневное явление, — однако их слабости и увлечения не вызывают в их детях инквизиторского любопытства. Сыновняя любовь извиняет их, прикрывая их одеждой Сима, даже искренно не замечает их прегрешений, так как в области родственных чувств привязанность часто берет верх даже над несомненной очевидностью.

Но Павлу такое чувство деликатности было чуждо; в тайне своего рождения он находил новый предлог для мучений, новый повод для скандала и лишнее объяснение для своей враждебности и недоверчивости. По природе

Ф.С. Рокотов. Портрет великого князя Павла Петровича в детстве. 1761 г.

экспансивный, он постепенно научился скрывать свои мысли и следить за своими словами. Он примешивал горечь ко всем своим радостям. И наконец, в виде протеста на воображаемое попрание его прав в нем развилась непомерная гордость и преувеличенная обидчивость.

Он был, несомненно, сыном Екатерины и, должно быть, сыном Петра Третьего. Но, кроме Екатерины — Петра, Павла породила двойная драма: семейная трагедия его родителей, определившая всю его дальнейшую судьбу, и другая трагедия, потрясшая Европу в вихре великодушных идей и разрушительных страстей. Таким образом, с самых ранних лет Павел жил среди мрачных и тревожных видений, наложивших навсегда отпечаток на задумчивое и беспокойное лицо этого «очаровательного государя и отвратительного тирана», как его назвал Суворов тридцать лет спустя.

В качестве педагогов Екатерина, Никита Панин и их помощники не были, конечно, мастерами своего дела. Но надо помнить, что многие принципы науки воспитания не установлены до сих пор. Во всяком случае, Павел вышел из их рук человеком не глупым и не развращенным. Всех, кто знакомился с ним, он поражал обширностью своих знаний и очаровывал своим умом. Он долгое время был безупречным супругом и до последней минуты жизни страстно поклонялся истине, красоте и добру. Несмотря на все это, он собственными руками вырыл ту пропасть, где погибли сперва его счастье, а затем и его слава, и его жизнь.

Была ли Екатерина виновна в этом несчастье? Да, конечно, она была виновна в том, что забрызгала кровью колыбель своего сына. Но другие обвинения, которые ей предъявляют, — в том, что она задержала восшествие Павла на престол, бесправно завладев сама верховной властью, и что она сознательно развращала своего сына, — глубоко несправедливы. Сознательно она стремилась к совершенно противоположному — даже в ущерб собственной безопасности.

III

Павлу не было еще пятнадцати лет, как Екатерина стала думать об его женитьбе. И когда четыре года спустя она перебрала, подыскивая для него невесту, весь сонм немецких принцесс, достигших брачного возраста, то она остановила свой выбор на партии, бывшей в ее глазах самой выгодной для ее сына, но, безусловно, не вполне отвечавшей ее личным интересам.

Мать избранной принцессы, великая ландграфиня Гессенская, была очень достойная женщина; у нее бывали в Дармштадте Виланд, Гете и Гер-

ПАВЕЛ I. СЫН ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

дер, дочь ее считалась особой воспитанной и незаурядной. Но «если она (молодая принцесса) не сделает революции, то никто ее не сделает», сказал про нее князь Вальдек, узнав об ее отъезде в Россию. А сама Екатерина, получив сведения о будущей невестке от своего свата, барона Ассбургга, написала: «Я уверена, что эта — самая честолюбивая (из всех сестер)». Однако она не колеблясь предложила ее Павлу в жены.

Екатерина, впрочем, ошиблась на ее счет, так как была слишком склонна судить о других женщинах по собственной мерке. У принцессы Вильгельмины Гессен-Дармштадтской, превратившейся в России в великую княгиню Наталию Алексеевну, все честолюбие свелось к желанию развлекаться по-

Александр Рослин. Великая княгиня Наталия Алексеевна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская Вильгельмина, первая супруга цесаревича Павла Петровича, будущего императора Всероссийского Павла I. 1776 г.